

МЕТАФОРЫ ПЕРЦЕПТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.С.Белов

Екатеринбург, Россия

Summary: The article examines metaphors involved in the modern Russian and US political discourse on foreign affairs in the vein of seminal works by G.Lakoff, M.Johnson, T.G.Skrebtsova, M.Osborn, R.Anderson, Jr. Particular attention is drawn to conventional metaphors directly grounded in bodily experience and thus deeply embedded in the human conceptual system. The paper argues that the conceptualization of foreign policy in terms of bodily experience is inherent in both languages and is dependent upon discursive conditions.

Данная статья посвящена анализу наиболее глубоко укоренившихся когнитивных моделей, механизмы которых столь привычны, что практически не осознаются и не требуют дополнительных умственных усилий ни при порождении, ни при восприятии соответствующего текста. Таковыми, на наш взгляд, являются пространственные и перцептивные метафоры.

Согласно одному из центральных догматов когнитологии, перцептивный и моторный опыт первичен для человеческого сознания и, как пишет Т.Г.Скребцова, играет огромную роль в осмыслении человеком мира в целом, осуществляя концептуализацию нематериального в терминах привычного физического взаимодействия [Скребцова 2002: 1]. Опору и подтверждение данный постулат находит в психологических обоснованиях познавательных процессов, относящихся к образным формам психического отражения (сенсорика, перцепция и представление), а также в теории концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. Лакофф исследует метафорическую системность, иллюстрируя когерентность ориентационных метафор и их детерминированность физическим и культурным опытом индивидуума. Он отмечает при этом, что, хотя полярные оппозиции «верх – низ», «внутри – снаружи» и т.п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьироваться от культуры к культуре. Например, в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других – позади нас [там же]. Таким образом, апперцепция, то есть восприятие, опосредованная прошлым субъективным опытом индивидуума, соотносится с метафоризацией, обусловленной наличием у метафоры эмпирического основания.

В 60-х годах XX века выдающийся специалист по политической метафорологии Майкл Осборн выдвинул теорию архетипичных метафор, в которой описал их свойства и функции в риторике политических деятелей. По мнению М.Осборна, предпочтения оратора в выборе именно архетипичных метафор объясняются такими их свойствами, как побуждающая способность, эффективность в процессе межкультурной коммуникации и

долговечность [Osborn 1967]. Основываясь на результатах своих исследований, М.Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются гораздо чаще, чем неархетипичные. Другими словами, оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциации с понятиями света и тьмы, чем с образами Кадиллака или Эдселя, плюща или сумаха, тачдауна или неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967: 116].

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и мало зависят от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном человеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. Благодаря своей универсальности, архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. В любом обществе архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических сообщений [Osborn 1967: 116].

Рассмотрев сферу образов «свет – тьма», М.Осборн пришел к выводу, что, воплощая усиленные оценочные суждения, метафоры данной сферы способны вызывать устойчивые позитивные и негативные ассоциации, а также значительную оценочную реакцию аудитории [Osborn 1967: 118].

В 1967 г. М.Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры Дж.Лакоффа.

В своем исследовании «О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти» Р.Д.Андерсон обосновал высокий когнитивный потенциал исходной сферы «Человеческое тело» для концептуализации абстрактных сущностей, в частности политической власти. Исследователь доказал тем самым, что цель ознакомления слушателей с незнакомыми ему абстракциями может быть достигнута посредством метафорического моделирования с использованием легко узнаваемых телесных образов [Anderson 2006: 1]. Одним из итогов исследования стал вывод о присутствии в целом ряде языков универсальной фигурно-фоновой метафоры со сферой-источником *телесный процесс зрительного восприятия*.

В данной статье мы предпринимаем попытку классифицировать пространственные и перцептивные метафорические модели, используемые в российском и американском внешнеполитическом дискурсе. Материалом для исследования послужили общенациональные публикации СМИ России и США за 2007-2009 года. Ввиду специфики сферы-источника фреймовая структура рассматриваемой метафорической модели будет представлять систему параметров, по которым СМИ характеризуют международные отношения в российско-американском интердискурсе.

1. Фрейм «дистанция».

Слот 1.1. «Близкий – далекий». Данный фрейм представлен традиционно используемой для описания международных отношений оппозицией *близкий – далекий*. Антонимичность членов данной оппозиции коррелирует с разнонаправленностью концептуальных векторов составляющих метафорической модели «*близко – хорошо, далеко – плохо*». Данные прагматические смыслы находят выражение в метафорах *тесное сотрудничество, сближение, плотно взаимодействовать, сблизить позиции, отчужденность*. К этому же фрейму мы относим метафоры пространственной ориентации и расположения: *симметрия/ асимметрия отношений, перекрестная симметрия, в разных плоскостях, в одной плоскости, пересекаются отчасти*. Об изменении дистанции между двумя объектами говорят и такие метафоры, как *разрыв отношений, раскол, связывать*. Ср.:

*Мы хотим максимально **плотно взаимодействовать*** (Известия, 07.03.07); *Впрочем, на итоговой пресс-конференции оба президента объяснили логику процессов, а заодно и рассказали, как можно **сблизить позиции*** (Российская газета, 07.07.09); *Отсутствие посла на Украине не означает **разрыв отношений** между двумя странами* (КП, 11.08.2009).

В американском внешнеполитическом дискурсе наблюдается схожая категоризация сферы-мишени в рамках данного фрейма. Выделяются такие метафоры, как *close* (близкий), *far apart* (на большом расстоянии друг от друга), *to sever diplomatic relations* (разорвать дипломатические отношения), *to estrange* (отстраняться), *rift* (раскол), *rupture of diplomatic ties* (разрыв дипломатических отношений), *rapprochement* (сближение), *to draw closer* (сближаться), *asymmetry* (нарушение симметрии). Ср.:

*For example, on the possibility of Georgia and Ukraine joining NATO, on the status of Abkhazia and South Ossetia – the breakaway regions of Georgia, on the status of Kosovo the United States and Russia are really quite **far apart*** (Council on Foreign Relations, 10.07.09); *He (Putin) hopes to join the World Trade Organization, which Bush has endorsed, and wants **closer financial ties with Europe*** (USA TODAY, 17.02.07).

Слот 1.2. «Центр – периферия». Концептуальные смыслы исходной понятийной сферы «центр – периферия» близки идеям философии универсализма (от лат. *universum* – «мир, вселенная»), возникшего в VI-V вв. до н.э. как установка мышления древнегреческих философов-досократиков Анаксимандра, Гераклита, Анаксагора и других, учивших, что мир представляет собой единое упорядоченное целое, любая часть которого является микромиром, порожденным делением большого мира (Космоса) и потому подобным ему. Таким образом, философы искали пути объяснения и определения земных вещей как частей (элементов) космического целого, которое их порождает и определяет.

По мнению В.Гарпушкина [Гарпушкин 1991], философский универсализм при этом сыграл особо заметную роль, послужив методологической опорой двух ведущих форм социального универсализма в XX в. – тоталитаризма и глобализма.

Для российских и американских медийных текстов, посвященных внешней политике, характерно представление о субъектах междуна-

ных отношений, как о космических телах. Наиболее развитые лидирующие страны, например США, Россия, Китай, занимают центральное положение, являясь *центрами силы, центрами принятия решений, геополитическими полюсами*, в то время как менее развитые страны составляют *периферию мировой политики*, исполняя роль *стран-сателлитов*. Ср.:

Завершившееся разделение Запада на государства, обладающие суверенной внешней политикой, и государства – сателлиты США (Известия, 18.08.08).

*Lo concludes, «China's rise as the next global superpower threatens Russia, not with the military or demographic invasion many fear, but with progressive **displacement to the periphery of international decision making**»* (Foreign Affairs, 09.10.09).

Геополитические полюса, как полюса магнитные, отталкивают друг друга. *Центры силы* за счет своего большего *стратегического веса* по сравнению с телами на периферии имеют большую *силу притяжения* и *оказывают влияние* на все тела, которые находятся в их *орбите*. Геополитическое превосходство одних государств над другими определяется широтой распространения *сферы* или *орбиты их влияния*. Представление о субъектах мировой политики как о движущихся сферах определяет наличие *центробежных сил*, символизирующих направленность внешнеполитической активности государств. Ср.:

Таким образом, мы не только соседям помогаем. Мы «продвигаем» межгосударственное образование, в котором заинтересованы, и создаем новый геополитический центр притяжения (Известия, 13.07.09); *В самом деле, успешная экспансия часто вела к политическим переменам в землях, попавших в новую орбиту влияния, но считать именно желание политических перемен первичным – переворачивать всю логику* (Известия, 11.09.08).

Для американских публикаций характерны такие выражения, как *sphere of influence* (сфера влияния), *sphere of dominance* (сфера доминирования), *Kremlin's orbit* (орбита Кремля). Ср.:

*Russia would like the U.S. to recognize that it has its own **sphere of influence** in the «near abroad» – the territory of the old Soviet Union – and halt NATO's expansion to the east. More generally, Moscow would like some respect* (NY Times, 18.09.08); *Ukraine can focus on its European goals, and if it succeeds, even incrementally, it will go a long way toward liberating itself from the **Kremlin's orbit**, no matter what the tough guys in Moscow may do or say* (Newsweek, 13.12.08).

Оценивая существующую систему международных отношений и ее функционирование на фоне событий текущего десятилетия, авторы публикаций СМИ и политические деятели высказываются о преимуществах и недостатках *однополярности, биполярности* и *многополярности* мира, прибегая тем самым к метафорическим образам «центра – периферии». Стоит отметить, что рассуждения на тему количества всевозможных *полюсов* в мировой политике более характерны для российского внешнеполитического дискурса, что объясняется убежденностью политического руководства России в том, что ни одно даже самое сильное государство не

способно в одиночку решать глобальные проблемы. Именно таков прагматический смысл метафорических выражений *один из полюсов многополярного мира, постоднопольный мир*. Ср.:

*В своей предыдущей колонке я постарался доказать, что современный мир – уже не **однопольный**. Мы вступили в **постоднопольный мир** (Известия, 29.11.08); В США уже говорят о **двухполярном мире**. **Однополярного не получилось**, так вот теперь, мол, давайте разделим бремя ответственности с Поднебесной (Известия, 04.10.09).*

В американском дискурсе внешней политики наблюдается скептическое отношение к подобным представлениям о мире и распределении власти в нем, что находит отражение в сочетаниях типа *Moscow's fantasy* (фантазия Москвы), *illusion of a multipolar world* (иллюзия многополярного мира), *end of the so-called unipolar moment* (конец так называемой однополярности). Ср.:

*Little wonder that in its defense white paper projecting out to 2030, Australia predicted «the rise of China, the emergence of India and the beginning of the end of the so-called **unipolar moment**» (WSJ, 08.05.09); Simply put, if **Moscow's fantasy is multipolarity**, Washington's own delusion has been the near-limitless expansion of NATO. China extracts considerable practical benefits in oil and weapons from Russia. In return, Beijing flatters Moscow with rhetoric about their «strategic partnership» and coddles it by promoting **the illusion of a multipolar world**. In an imagined **multipolar world**, Russia looks like a Chinese subsidiary. China treats Russia with supreme tact, vehemently denying its own superiority – a studious humility that only helps it maintain the upper hand (Foreign Affairs, 09.10.09).*

Вместе с тем, метафоры данного слота также содержат оценочный компонент и отражают динамику международных отношений, эксплицируя взаимное расположение акторов и их «дистанционные» колебания.

2. Фрейм «температура».

Оппозиция *холодный – горячий* в российском дискурсе представлена метафорами *температура отношений, точка замерзания, холодная дружба, холодная отчужденность, охлаждение отношений, прохладный, потепление, оттепель, теплеть, разморозка отношений, теплый, дружеская теплота*. Ср.:

*Также не последнюю роль в «**потеплении**» восприятия россиянами Америки сыграл финансовый кризис (Коммерсант, 08.07.09); Не станет ли оглашение результатов вашей работы причиной **охлаждения украинороссийских отношений?** (Известия, 17.10.08).*

Метафоры данного фрейма аналогичным образом функционируют и в американском внешнеполитическом дискурсе. Их диапазон может быть представлен в виде развернутой оппозиции: *frosty* (морозный) – *frozen* (замороженный) – *icy* (заледенелый) – *cold* (холодный) – *chilly* (прохладный) – *cool* (прохладный) – *to defrost* (размораживать) – *lukewarm* (тепловатый) – *warm* (теплый). Ср.:

*Warmer U.S.-Russia Relations May Yield Little in Action toward Iran (NY Times, 28.09.09); It's now nearly a year since that spat, time enough for passions to have **cooled** somewhat (Time, 06.06.09).*

Таким образом, температурная метафора позволяет отслеживать динамику развития международных отношений по «шкале Цельсия», в основе которой заложена метафорическая модель «теплее – лучше, холоднее – хуже».

3. Фрейм «объем».

Слот 3.1. «Ширина, высота, глубина». Исходная концептуальная сфера для метафор данного фрейма включает такие параметры, как *ширина*, *высота*, *глубина*. С помощью оппозиций типа *низкий – высокий*, *широкий – узкий*, *глубокий – поверхностный* авторы медийных текстов описывают состояние и характер изменений международных отношений. Такие метафоры российского внешнеполитического дискурса, как *углубление связей*, *расширение и углубление деятельности*, *углубленный диалог*, *низкая приоритетность*, *низшая точка взаимоотношений*, *высокий уровень отношений*, отражают динамику и степень взаимодействия между субъектами мировой политики. Ср.:

Очевидно, что Россия и США находятся на низшей точке своих взаимоотношений с начала 1980-х годов... (Финансовые известия, 01.10.08); **ВШИРЬ И ВГЛУБЬ**. *Наконец, чтобы отношения между США и Россией развивались на качественно ином уровне, <...> администрации Барака Обамы <...> необходимо как можно раньше начать углубленный и далеко идущий диалог с Москвой* (Россия в глобальной политике, 17.09.09).

Аналогичная картина наблюдается и в американском дискурсе внешней политики, проявляющем градацию по указанным параметрам в форме следующих метафор: *degradation of relations* (снижение уровня, ухудшение отношений), *lowest point* (низшая точка), *deep ties* (глубокие связи), *high level talks* (переговоры на высшем уровне), *sky-high tensions* (очень высокая напряженность, букв. «до небес»), *broader dialogue* (диалог по широкому спектру вопросов), *up-and-down relationship* (изменчивые отношения, со взлетами и падениями), *deep engagement* (глубокое взаимодействие), *shallow relationship* (поверхностные отношения), *narrow the gap* (сузить пропасть). Ср.:

The up-and-down relationship between the United States and Russia takes center stage this weekend as President Bush and counterpart Vladimir Putin try to iron out their differences (CNN, 28.06.07); *Mrs. Clinton challenged Pakistan's government to do more to shut down Al Qaeda, but she was, rightly, determined to use this visit to also broaden the relationship* (NY Times, 30.10.09).

Слот 3.2. «Открытость – закрытость». Открытость субъектов международных отношений, транспарентность в сотрудничестве символизируют наличие легитимности, взаимного доверия и положительность инициатив – всего того, что способствует продвижению в отношениях. В то же время закрытость, непрозрачная и изоляционная политика ассоциируются с конфронтацией, создают тупиковость ситуации и блокируют возможности для сотрудничества. Данные прагматические смыслы имплицированы в таких метафорических выражениях, как *нетранспарентность ситуации*, *открыть новую страницу в российско-американских отношениях*, *окно*

возможностей, открывать себе двери, историческое окно, дверь в евроатлантическое будущее.

В американском дискурсе внешней политики наряду с метафорами *openness between countries* (открытость между странами), *to pursue an opening* (использовать возможность), *to face isolation* (оказаться в изоляции), *to extend an open hand* (протянуть открытую ладонь, пойти на контакт) также используются метафоры «двери» и «окна»: *to close the door* (закрыть дверь), *to leave the door open to negotiations* (оставить дверь переговоров открытой), *to find a back door* (найти черный ход), *narrow window* (узкое окно). Ср.:

Если перемены не будут способствовать реализации жизненно важных интересов России и Америки, «окно возможностей» быстро закроется (Россия в глобальной политике, 12.09.09).

They (talks) showed the isolation the country would face, that doors would be closing to Honduras for some time to come (NY Times, 31.10.09); *In a later exchange with American journalists, Mrs. Clinton did not try to temper her remarks, saying they would contribute to a healthier, more open relationship with Pakistan* (NY Times, 30.10.09).

Прагматика метафор данного слота символизирует наличие или отсутствие динамики, прогресса во внешнеполитической сфере, в отношениях между субъектами мировой политики.

4. Фрейм «образы тактильного восприятия».

Данный фрейм составляют метафоры онтологического свойства, не вошедшие по принятой нами классификации в другие фреймы, однако также переосмысляющие и оценивающие международные отношения в терминах физических свойств материальных объектов: *жесткий/ твердый/ шероховатый – гибкий/ мягкий/ гладкий, резкий – мягкий, а также острый, натянутый, напряженный*. От данных оппозиций в российском внешнеполитическом дискурсе происходят такие метафоры, как *обходить острые углы в отношениях, обострение двусторонних отношений, натянутые и напряженные отношения, сглаживать острые углы в отношениях, смягчение позиции, прочные связи, острейший кризис, шероховатости в отношениях, трения в отношениях, ужесточение/ смягчение риторики*. Ср.:

Закрепление претензий России на значительную часть арктического шельфа может повлечь за собой не только обострение двусторонних отношений... Не случайно именно эти четыре приоритетные области составляют контекст наибольших трений между Соединенными Штатами и Россией (Россия в глобальной политике, 07.09); *Одним из благоприятнейших эпохи явилось отсутствие стратегического соперничества между великими державами. Если оно вернется, то, скорее всего, из-за натянутых и напряженных отношений между США, Россией и Китаем* (Россия в глобальной политике, 17.09.09); *Лидеры России и США, видимо, вздохнули с облегчением: на переговорах удалось не только обойти, но и сгладить некоторые острые углы в диалоге двух стран* (АиФ, 08.07.09); *У нас было, мягко говоря, немало шероховатостей в отношениях, но сегодня ситуация такая, когда надо забыть об этом и смотреть*

вперед (Известия, 09.09.08); *Западу не стоит реагировать на возможное ужесточение риторики официального Тегерана...* (Ведомости, 28.10.09).

Аналогичные метафоры наблюдаются и в американском дискурсе внешней политики: *strains in the relationship* (натянутость в отношениях), *to ease tensions* (смягчить напряженность), *to increase tensions* (увеличить напряженность), *smooth relations* (гладкие отношения), *pursuit of détente* (стремление разрядить напряженность в отношениях), *relations marked by friction* (трение в отношениях), *bilateral friction* (двустороннее трение), *to urge a harder line* (настаивать на жестком подходе), *stronger ties* (прочные связи), *solid relations* (крепкие отношения), *points of tension* (точка напряженности), *frayed relations* (истрепанные отношения). Ср.:

Despite a clear warming trend since Mr. Obama took office, old strains remain, especially over the West's role in the other former Soviet republics (NY Times, 14.10.09); *Turkey's tensions with Syria began to ease in 1998 with Syria's ouster of the P.K.K. leader Abdullah Ocalan* (NY Times, 17.10.09); *Washington intensifies its pursuit of détente with a longtime Middle East rival* (WSJ, 28.07.09); *The prime minister must wonder if the current bilateral friction is an effort to persuade Israelis that he is not the right man for the job, or at least to persuade them that his policies must be rejected* (Council on Foreign Relations, 01.08.09); *The officials interviewed represented several government agencies involved in counterterrorism policy, including those favoring a more patient approach toward Syria and those urging a harder line* (NY Times, 05.01.07); *Obama administration softens its stance on China* (WSJ, 16.04.09); *By the time of the meeting, the relationship between Russia and the United States was frayed* (USA TODAY, 29.06.07); *Bush, Sarkozy vow stronger ties* (USA TODAY, 07.11.07); *Bush would like to leave the U.S.-Russia relationship solid when he leaves office* (USA TODAY, 31.03.08).

5. Фрейм «образы света – тьмы».

Во внешнеполитических дискурсах обеих стран отмечается употребление архетипичных образов *света – тьмы*. Как известно, свет дает возможность видеть. Будучи весьма важным чувственным инструментом связи с окружающим миром, зрение определяет жизнедеятельность человека, позволяет получать информацию об окружающей среде, избегать опасности и извлекать пользу. Как отмечает Осборн, свет подразумевает тепло и порождающую силу солнца, как прямо, так и косвенно способствующую развитию человека, в то время как тьма порождает страх перед неизвестностью, лишает человека возможности видеть [Osborn 1967].

Отчетливо передавая позитивные и негативные ассоциации, образы света и тьмы создают упрощенное двузначное черно-белое отношение. Способные вызывать устойчивые позитивные и негативные ассоциации с основополагающими человеческими стимулами к выживанию и развитию, метафорические образы *света – тьмы* воплощают усиленные оценочные суждения с целью вызвать значительную оценочную реакцию аудитории. Ср.:

Могут ли все мафиозные скандалы омрачить чешско-российские отношения? (Известия, 29.10.09); *Казалось, в туннеле забрезжил свет и дело идет к образованию палестинского государства, но начавшаяся в*

2000-м интифада похоронила эти надежды... (Россия в глобальной политике, 21.08.07).

*Even traditional liberals have lined up to blast the Georgian aggression. In that respect, the war has escalated a two-decade-long internal debate over whether Russia would join the international community of values, broadly defined as the West, or **go over to the dark, anarchic world of rogue states and totalitarian regimes** (Newsweek, 09.12.08); In Israel, the election of a right-wing government under Mr. Netanyahu **dimmed the prospects** for a settlement freeze, given the pressures from his coalition (NY Times, 01.11.09).*

Применительно к внешнеполитической сфере возможность осмыслить имеющийся опыт в терминах свойств объектов и веществ позволяет ассоциировать в сознании адресата его перцептивный опыт с политическими реалиями. Нередко в публикациях СМИ наблюдается пересечение выделенных нами параметров – их совместное употребление для характеристики того или иного явления внешней политики. Подобная метафоризация может оказывать усиливающий эффект благодаря контекстуальной синонимии используемых образов *близкий – теплый, смягчение – сближение, углублять – сглаживать*, а также *to plunge – deep – to freeze* (падать – глубокий – замерзать), *warming – to get closer* (потепление – сближаться). Ср.:

*«Мир потому и многополярный, что все влияют на всех. Но с теми государствами, с которыми у нас традиционно **близкие, теплые отношения**, мы будем развивать свои контакты» – говорил Медведев «валдайцам» (Известия, 15.09.08); Российским лидерам предстоит также изжить во многом надуманные страхи по поводу того, что недавнее **смягчение позиции** Вашингтона в отношении Ирана в сочетании с возможной победой умеренных сил на предстоящих в июне президентских выборах может привести к **сближению** между Вашингтоном и Тегераном, которое любое правительство способно использовать против Москвы (Россия в глобальной политике, 12.09.09); Лучшая стратегия сочетает выборочное сотрудничество с выборочным сдерживанием, причем ранжирует эти два подхода таким образом, чтобы **углублять** сотрудничество и **сглаживать** острые углы сдерживания (Россия в глобальной политике, 12.09.09).*

*After last summer's brief Georgia-Russia war, relations **plunged** into the **deep freeze** (Newsweek, 01.04.09); Since the Congress Party's huge win in India's elections was announced on May 16, pundits across the country and in the United States have predicted that the **warming** relations between Delhi and D.C. are now sure to **grow even closer** (Council on Foreign Relations, 30.05.09).*

Встречаются примеры, в которых внешнеполитические процессы описываются с помощью контекстуально антонимичных образов, например *прохладный – гибкий, friction – warmth* (трение – теплота), что, как представляется, эксплицирует неоднозначность политической ситуации, динамичный характер международных отношений, обусловленные различием взглядов и установок взаимодействующих субъектов. Ср.:

*В России к санкциям против Ирана всегда относились **прохладно**, и во многом «благодаря» предыдущей американской администрации. Та*

упорно искала оружие массового уничтожения в Ираке, но в итоге так ничего и не нашла. Сейчас в Москве не сказать что изменили свое мнение, но демонстрируют большую *гибкость* (Известия, 25.09.09).

A Relationship Marked by Friction and Warmth (WSJ, 01.08.09).

Таким образом, перцептивный и моторный опыт, категории которого составляют сферу-источник «телесные процессы восприятия», становится средством концептуализации внешней политики.

В российских СМИ наблюдается более частое обращение к метафорическим образам «близкий – далекий», «центр – периферия», а также к метафорам фрейма «температура», что связано с активной спекуляцией на тему геополитического положения России, окруженной значительным числом государств, отношения с которыми являются постоянным предметом обсуждений и оценок. *Сближения и отдаления, потепления и охлаждения* в отношениях с соседними странами рассматриваются параллельно с изменениями мирового порядка – глобального распределения сил, перехода от *однополярного к постоднополярному и многополярному* мировосприятию.

Для СМИ США наиболее характерно использование метафорических образов «открытый – закрытый». Подобную тенденцию, на наш взгляд, объясняет тот факт, что одно из значений субстантива *opening*, образованного от глагола *to open* (открывать), – «благоприятная возможность, удобный случай». В американском внешнеполитическом дискурсе преобладает оценка международных отношений по параметрам *сложности, жесткости, напряженности, твердости, натянутости – мягкости, гладкости, послабления*, часты также метафоры фрейма «температура». Данная концептуальная направленность продиктована спектром наиболее актуальных для США внешнеполитических проблем и процессов, освещению которых уделяется наибольшее внимание в СМИ: война в Афганистане, беспорядки и теракты в Ираке, ближневосточное урегулирование, ядерные программы Ирана и Северной Кореи.

Таким образом, мы выделяем метафоры концептуальной сферы «телесные процессы восприятия», актуализированные российскими и американскими СМИ для описания внешней политики, в числе высокочастотных в дискурсах обеих стран, что объясняется как глубокой укорененностью в сознании людей рассмотренных метафорических моделей, так и актуальной дискурсивной ситуацией их употребления.

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson 2006 – *Anderson D.R.* On a cross-cultural resemblance among certain metaphors for political power // Политическая лингвистика. Выпуск 21. Екатеринбург, 2007.
- Lakoff, Johnson 1980 – *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Osborn 1967 – *Osborn M.* Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967a. Vol. 53.

Гарпушкин 1991 – *Гарпушкин В.Е.* Универсализм в философии и человек // Общественные науки и современность. 1991. № 5.

Скребцова 2002 – *Скребцова Т.Г.* Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. 2002. № 1.